ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И БЕЗОПАСНОСТЬ 11.09.2021 | Паям Галехдар

Эмоциональные решения

Почему США вовлекаются в новые войны, невзирая на неудачи в них? Решающую роль играет настроение президента.

Военная победа движения «Талибан» в Афганистане и полный вывод американских войск породили новые дебаты о смысле и бессмысленности военных вмешательств Запада. Под впечатлением стремительного падения афганского правительства и хаотической эвакуации западных посольств многие эксперты говорят о полном провале операции в Афганистане, даже об историческом глобальном переломе и крахе либерального мироустройства. Свое мнение они аргументируют тем, что США не удалось выполнить благородную миссию по демократизации Афганистана, утверждению прав женщин и либеральных ценностей.

Резкая критика за то, что неудачу потерпела не только операция в Афганистане, но и мироустройство под предводительством США, называемое с недавних пор либеральным правопорядком, мало кого удивляет. Она основана на предположении, что военное свержение движения «Талибан» в 2001 году и последовавшее за ним *построение национального государства* были частью проекта либерального мироустройства США, в частности, времен президентства Джорджа У. Буша. Но сколь бы суровой ни была критика операции в Афганистане, особенно на фоне 46 тыс. жертв среди гражданского населения, широко распространенное мнение о том, что Афганистан стал «экспериментальным полем» для реализации намерений США по импорту демократии, – не более чем миф.

В своей новой книге *The Origins of Overthrow* я доказываю, что в дискуссии о мотивах вмешательств США с целью изменения режима *(regime change)* полностью упускаются из вида два существенных момента. Прежде всего, преувеличена роль либеральных целей военных интервенций. Следовательно, другие значимые мотивы оказываются второстепенными в общественном восприятии. Учитывая отсутствие стабильности и демократизации в целевых странах – Афганистан является трагическим, но не единственным

примером неудовлетворительного результата вмешательств США с целью смены режима – без ответа остается вопрос, почему Соединенные Штаты продолжают использовать этот насильственный инструмент внешней политики. С 1906 по 2011 год это происходило 16 раз, чаще по сравнению с любым другим государством в мире.

Широко распространенное мнение о том, что Афганистан стал «экспериментальным полем» для реализации намерений США по импорту демократии, – не более чем миф

Мотивы вмешательств США с целью смены режима легче понять, если проанализировать эмоциональное состояние соответствующего американского президента. В отличие от Германии, в США есть отдельный аппарат национальной безопасности, который превращает формулировку и имплементацию внешней политики в рутинный процесс с бюрократической окраской. Не стоит недооценивать роль Конгресса во внешней политике, хотя бы с учетом его конституционного права объявлять войны против других государств. Дополнительное давление на внешнюю политику правительства США может оказывать общественное мнение. Но, несмотря на эти факторы, важнейшим игроком внешнеполитической системы США является президент. Это убедительно продемонстрировало решение Джо Байдена о выводе войск из Афганистана вопреки мнению Пентагона и других советников.

За время пребывания в своей должности президенты США постоянно находятся в состоянии фрустрации. Это состояние – привычное явление в международной политике, где ожидания чаще всего остаются неоправданными, интересы неудовлетворенными в полном объеме, и даже мощным державам приходится мириться с сопротивлением других государств. А когда фрустрацию дополняют эмоции, это влечет за собой серьезные последствия. Так происходит, когда охваченные гегемонистскими ожиданиями президенты США воспринимают сопротивление целевых стран не как рациональное преследование национальных интересов, а как проявление необратимого антиамериканизма.

За время пребывания в своей должности

Эмоциональная фрустрация – это негативное душевное состояние, которое решающим образом влияет на процесс

президенты США постоянно находятся в состоянии фрустрации

принятия внешнеполитических решений и порождает насильственную реакцию. В таком состоянии президенты Соединенных Штатов задаются вопросом: как США могут в течение длительного времени сосуществовать со страной во главе с враждебным антиамериканским руководством? Именно такой, основанный на эмоциях пессимизм главнокомандующего самой сильной военной державы в мире придает привлекательности идее смены режима военным путем.

Неудивительно, что события 11 сентября были восприняты правительством Буша как особо жестокая антиамериканская агрессия в лице «Аль-Каиды». Об этом свидетельствуют как личные, так и официальные заявления бывшего тогда президента Джорджа У. Буша. Более удивительным является тот факт, что это восприятие распространилось на другие государства. В частности, Буш обвинил иракского диктатора Саддама Хусейна в ненависти к США и антиамериканизме. Логическим следствием этого стало расширение войны с террором исвержение иракского режима.

У 11 сентября есть еще одно последствие: спустя лишь несколько дней после террористических актов сдержанная внешняя политики Буша обрела характер ярко выраженных гегемонистских ожиданий, адресованных всем государствам мира. В так называемой доктрине Буша любое государство, не поддерживающее США в борьбе против глобального терроризма, провозглашалось потенциальным врагом. Таким образом, мишенями правительства Буша оказались и «Талибан», и Саддам Хусейн. А вот риторика экспорта демократии возобладала лишь тогда, когда другие причины стали неубедительными. В случае с Ираком – существование некоего оружия массового поражения у Саддама Хусейна.

Буш обвинил иракского диктатора Саддама Хусейна в ненависти к США и антиамериканизме

С этим обстоятельством тесно связан еще один момент, который упускается из вида в дискуссии о вмешательствах США с целью смены режимов: разница между военным свержением режима и *национальным*, а лучше – *государственным строительством*, то есть новым устройством страны, на которую направлены усилия США. Вмешательства ради смены режимов в принципе состоят из этих двух следующих друг за другом этапов.

> Однако не стоит считать, что национальное строительство *(nation building),* то есть этап после насильственного свержения старого режима, является собственно целью военных вмешательств. Именно Афганистан показал, что свержение «Талибана» интересовало США больше, нежели построение в этой стране стабильной демократии.

Бывший посол Соединенных Штатов в Германии Джон Корнблюм придерживается мнения, что лишь западные союзники США, прежде всего Германия, превратили операцию в Афганистане в операцию по национальному строительству и придали ей общеизвестный характер.

А в случае с Ираком, якобы показательном примере насильственного экспорта демократии, при более пристальном анализе оказывается, что недовольство Саддамом Хусейном сыграло более важную роль, чем стремление США к демократизации Ирака. Этим не в последнюю очередь объясняется отсутствие подготовки к дальнейшим действиям после падения иракского режима.

Что же все это означает для будущего американских интервенций с целью смены режимов? До тех пор пока президенты США сдерживают свои гегемонистские ожидания, возникновение эмоциональной фрустрации лишено потенциала. Узкое определение национальных интересов оставляет мало места таким странам, как Афганистан, и смещает фокус в сторону сверхдержав, прежде всего Китая. Джо Байден следует тенденции, которую начал Барак Обама и укрепил Дональд Трамп. Тем самым, военные вмешательства с целью свержения режимов становятся менее вероятными.

История внешней политики США учит нас тому, что циклы более интенсивных вмешательств могут повторяться. Но даже если Вашингтон полностью откажется от интервенций с целью смены режимов, это ни в коем случае нельзя отождествлять с мирной внешней политикой США. Военные вторжения – далеко не единственный насильственный инструмент в арсенале американской внешней политики.

Паям Галехдар

Гёттинген

Паям Галехдар (Payam Ghalehdar) – научный сотрудник кафедры международных отношений Гёттингенского университета имени Георга Августа, доктор наук института Европейского университета. Он занимается исследованием внешней политики США.